

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

IUS EXIGENDI ЗАЛОГОДЕРЖАТЕЛЯ ПРИ ЗАЛОГЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВ И ИНСТИТУТ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

М.А. ВОЛЧАНСКИЙ,

магистр частного права (РШЧП),
старший преподаватель и заместитель руководителя департамента частного права
НИУ «Высшая школа экономики»

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-3-7-27>

Настоящая статья посвящена сопоставлению правоотношений, возникающих при поручительстве и при реализации ius exigendi залогодержателем обязательственных прав. Автор проводит анализ каузы поручительства и заложенного требования, проявлений акцессорности в рамках возникающих правоотношений, структуру соответствующих обязательств и применимость основных норм о поручительстве к залому прав (требований). На основе проведенного исследования делается вывод о наличии существенных различий между поручителем и должником залогодателя, в отношении которого применяется ius exigendi, не позволяющих применять к залому обязательственных прав (требований) основные правила, регулирующие институт поручительства.

Ключевые слова: обеспечение обязательств; залог; залог обязательственных прав (требований); ius exigendi; поручительство.

PLEDGEE'S *IUS EXIGENDI* IN THE PLEDGE OF OBLIGATIONS AND THE INSTITUTION OF SURETYSHIP

M.A. VOLCHANSKIY,

Master of Private Law (Russian School of Private Law),
Deputy Head and Senior Lecturer, Department of Private Law,
HSE University

*The article is devoted to a comparison of legal relations arising from the suretyship and the implementation of *ius exigendi* by the pledgee of obligations. The author analyzes the 'causa' of suretyship and pledged claim, the accessory manifestations in the framework of emerging legal relations, the structure of the corresponding obligations and the applicability of the suretyship core rules to the pledge of obligations (claims). On the basis of the study it is concluded that there are significant differences between the surety and the pledger's debtor, in respect of which *ius exigendi* is applied, which do not allow applying the suretyship basic rules to the pledge of obligations (claims).*

*Keywords: security of obligations; pledge; pledge of obligational rights (claims); *ius exigendi*, suretyship.*

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Положение дел при применении залогодержателем *ius exigendi*¹ по ряду своих характеристик весьма сильно напоминает правоотношения, формирующиеся при поручительстве.

В частности, в случае применения залогодержателем *ius exigendi* при залоге прав (требований), как и при поручительстве, у кредитора (залогодержателя) де-факто появляется еще одно лицо (должник залогодателя), за счет имущества

¹ *ius exigendi* – прямое требование залогодержателя к должнику залогодателя об исполнении заложенного обязательства в свою пользу (см.: Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения / пер. с чеш. М.: Юрид. лит., 1989. С. 246). Данный инструмент является ключевой составляющей механизма залога обязательственных прав еще со времен римского права – к примеру, в рамках D. 13.7.18 за залогодержателем признается возможность подать соответствующий иск о взыскании напрямую к должнику по заложенному требованию наподобие иска кредитора – *actio utilis* (см. подробнее: Стругов В.Г. О залоге долговых требований (*de pignore nominum*). Часть вторая // Вестник гражданского права. 2011. № 4 (СПС «КонсультантПлюс»)).

которого можно получить определенное удовлетворение в счет погашения обеспечиваемого обязательства.

Иными словами, формально может создаться видимость того, что залогодержатель, реализующий *ius exigendi*, действует подобно кредитору при поручительстве, который при неисполнении обеспечиваемого обязательства обращается к поручительству с соответствующим требованием.

Кроме того, определенную схожесть рассматриваемых правоотношений можно наблюдать также в механизме погашения задолженности. Последний в ряде ситуаций, возникающих при реализации залогодержателем *ius exigendi* (прежде всего при залоге денежных требований), напоминает принцип действия солидаритета при поручительстве. В частности, как только должник по заложенному денежному требованию перечисляет исполнение в адрес залогодержателя, требование последнего к залогодателю считается по общему правилу погашенным на сообразную величину¹.

Схожая ситуация происходит при поручительстве: осуществляемое поручителем погашение в адрес кредитора влечет сообразное прекращение притязаний кредитора к должнику по обеспечиваемому обязательству².

В дополнение к изложенному следует отметить, что ряд правил, регулирующих поручительство, теоретически мог бы оказаться полезным для отношений, возникающих при реализации залогодержателем *ius exigendi*.

К примеру, при залоге обязательственных прав может возникнуть ситуация, в рамках которой залогодержатель уже потребовал исполнить заложенное требование в свою пользу, однако впоследствии залогодатель самостоятельно исполнил обеспечиваемое обязательство. В таком случае получение залогодержателем исполнения еще и от должника залогодателя создавало бы на стороне кредитора неосновательное обогащение, поскольку все должное уже было исполнено. Кроме того, в названной ситуации можно гипотетически исходить из того, что исполнение, осуществленное должником по заложенному требованию в адрес залогодержателя, не прекращает обязательства должника перед залогодателем: залогодержатель не является уполномоченным получателем исполнения после того, как обеспеченное обязательство исполнено и, соответственно, залоговое обеспечение прекратилось.

Теоретически для решения подобной ситуации можно было бы опираться на нормы, регулирующие извещение должника при поручительстве.

¹ Rupp C.S. in: German Civil Code: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Vol. I: Books 1–3: §§ 1–1296. Article-by-Article Commentary / Ed. by G. Dannemann, R. Schulze, J. Watson (Assistant Ed.). Munich: C.H. Beck; Baden-Baden: Nomos, 2020. P. 2120–2121. Такое же решение проведено в отечественном ГК РФ (см. абз. 2 п. 2 ст. 358.6).

² Новицкий И.Б. Поручительство: научно-практический комментарий. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1927. С. 40.

Последние (см. п. 2 ст. 366 ГК РФ) прямо предусматривают наличие у должника по обеспечиваемому обязательству обязанности уведомить поручителя об осуществленном исполнении. В случае нарушения данной обязанности риски двойного исполнения ложатся на должника по обеспеченному требованию: несмотря на то, что основное обязательство было исполнено должником по обеспечиваемому требованию, у поручителя возникает регрессное притязание к должнику по основному обязательству в размере исполненного поручителем в адрес кредитора (п. 2 ст. 366 ГК РФ)¹.

Гипотетически данный подход можно было бы использовать при залоге обязательственных прав: по общему правилу считается, что должник по заложенному требованию, не извещенный надлежащим образом об исполнении обеспеченного требования (и соответственно о прекращении залога) и передавший исполнение в адрес залогодержателя, получает требование кредитору (залогодержателю) о взыскании неосновательно полученного, а также к должнику по обеспечиваемому обязательству (залогодателю). Полезность регрессного требования заключается среди прочего в том, что оно может быть засчитано против притязаний залогодателя по заложенному требованию, которые формально продолжают существовать, поскольку не были прекращены надлежащим исполнением: залогодержатель после получения исполнения по обеспечиваемому обязательству уже не являлся лицом, уполномоченным на получение исполнения. Соответственно, применение приведенного подхода, взятого из норм, регулирующих поручительство, позволило бы предоставить должнику по заложенному требованию (не извещенному об исполнении основного обязательства и прекращении залога) дополнительную защиту от несправедливых требований залогодателя о взыскании исполнения по заложенному требованию уже после того, как оно было исполнено в адрес залогодержателя.

Вышеприведенные обстоятельства явным образом ориентируют на то, что между ситуацией, в которой залогодержатель применяет инструментарий *ius exigendi*, и поручительством имеются определенные схожие элементы, существование которых предопределяет актуальность сопоставления рассматриваемых правоотношений.

2. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЗАЛОГА ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВ И ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

2.1. Кауза

На наш взгляд, все изложенные выше аспекты не должны приводить к выводу о том, что при залоге обязательственных прав возникают отношения, которые можно было бы назвать поручительством.

¹ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 45–47.

В частности, ключевое различие состоит в каузе обязательств поручителя и должника по заложенному требованию.

Целью настоящей работы не является всестороннее исследование понятия каузы, в связи с чем ограничимся лишь короткой ремаркой о том, что автором будет браться за основу позиция, согласно которой кауза представляет собой зависимость юридической сделки от осуществления или неосуществления предположений сторон, которые послужили стимулом к заключению юридического акта. При этом речь идет не о любом предположении (мотиве), побуждающей сторон к осуществлению сделке, но именно о непосредственно близлежащей типизированной «правовой цели», зафиксированной в юридической форме¹. К примеру, по общему правилу, вне зависимости от побудительных стимулов сторон передать вещь взамен денег (будь то необходимость срочно получить деньги для покупки автомобиля, закрыть кассовый разрыв или избавиться от внешне неприятной вещи), типизированной непосредственной правовой целью для сторон будет *emptio-venditio*².

В этой части стоит отметить, что мы не присоединяемся к той категоричной идее, что понимание каузы необходимо сводить исключительно к объективированному подходу, предполагающему, что кауза – это ожидаемый объективный результат сделки, который не нужно смешивать с целью сделки³.

Напротив, представляется убедительным довод о том, что определенный объективный результат, к которому должно привести исполнение сделки в момент ее совершения, изначально представляется ее участникам именно в виде соответствующей цели⁴. То есть то, что впоследствии превращается в объективный результат, изначально видится именно в качестве цели как предтечи объективного результата⁵. Соответствующая непосредственная правовая цель сделки (*causa*) и представляет собой признанный типичный интерес сторон, который по общему правилу следует абстрагировать от иных интересов (мотивов), побудивших осуществить сообразный юридический акт⁶.

Применительно к обеспечительным обязательствам (в том числе поручительству) соответствующую типизированную цель (*causa*) можно видеть в «направленности на безвозмездное присвоение имущественного блага должника в счет удовлетворения таких требований его кредитора, которые входят в содержание

¹ Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1898. С. 37–39, 90.

² Там же.

³ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003. С. 150–152.

⁴ Новиков К.А. Некоторые вопросы залога имущественных требований // Закон. 2011. № 6. С. 6–7.

⁵ Там же.

⁶ См. подробнее: Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2013. С. 153–154.

нарушенного обеспеченного обязательства либо же существуют в форме связанных с его нарушением охранительных правоотношений наряду с самим обеспечительным обязательством»¹.

Такое понимание ведет к выводу о том, что поручительство как обеспечительное обязательство имеет специальную функциональную связь (зависимость) с основным обязательством, которая обеспечивает для поручительства способность к достижению своей типизированной цели посредством реализации возможности засчитать исполнение в счет удовлетворения сообразных требований кредитора к основному должнику².

Представляется, что вышеприведенные рассуждения о каузе поручительства никак не могут быть применены к заложенному праву требования.

В частности, обязательства соответствующего должника по заложенному требованию передать исполнение в адрес своего кредитора (залогодателя) существуют сами по себе и не имеют сообразной обеспечительной каузы.

Должник по заложенному требованию, обязанный передать определенное исполнение своему кредитору (залогодателю), соглашаясь на установление долга, не имел типизированного интереса обеспечивать надлежащее исполнение обязанностей залогодателя перед залогодержателем, о которых может даже не знать.

В этом, на наш взгляд, состоит принципиальное отличие от поручительства, типизированная цель которого как раз и состоит в том, чтобы поручитель обеспечивал исполнение основного обязательства.

В свою очередь, для должника по заложенному требованию абсолютно не важно, есть обеспечиваемое обязательство или нет, – его собственная обязанность осуществить исполнение будет существовать вне зависимости от наличия долгов залогодателя перед залогодержателем.

Более того, отсутствие такой функциональной связи, по-видимому, имеет свое отражение и в том, что для установления залога требований по общему правилу у должника по заложенному требованию даже не требуется спрашивать согласие: считается, что для должника залогодателя не является принципиальным, в чей адрес осуществлять исполнение своего долга³, который существует сам по себе, независимо от обязательств залогодателя перед залогодержателем. Данное диспозитивное правило об отсутствии необходимости учитывать согласие должника залогодате-

¹ Новиков К.А. Акцессорность обеспечительных обязательств и обеспечительно-ориентированные права // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 115.

² Там же.

³ Именно подобная логика, как принято считать (см., к примеру: Байбак В.В. Комментарий к ст. 382 ГК РФ // Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 552; Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие. М.: Статут, 2016. С. 210), служит основанием для тезиса о том, что оборот прав требований по общему правилу допускается без согласия должника.

ля на установление залога действует как в России (см. п. 1 ст. 358.2 ГК РФ), так и в развитых западных правовых системах (см. § 1280 Германского гражданского уложения (ГГУ) и ст. 2361, 2362 Французского гражданского кодекса (ФГК)).

Абсолютно иная ситуация характерна для поручительства как обеспечительного обязательства. Установление последнего требует соглашения между поручителем и кредитором, чьи требования будут обеспечены.

Разумеется, из данного правила имеется изъятие: закону известна аномальная ситуация автоматического возникновения (в силу указания соответствующей нормы права) поручительства без выражения на то волеизъявления поручителя, которая связана¹ с необходимостью учета не только интересов покупателя, но и публичного интереса, связанного с поставкой товаров для государственных или муниципальных нужд (см. абз. 2 ст. 532 ГК РФ). Представляется, что данный аномальный случай является исключением, подтверждающим общее правило для стандартных ситуаций: установление обеспечительного обязательства третьего лица перед кредитором предопределяет необходимость заручиться согласием самого поручителя².

2.2. Проявления акцессорности

Изложенное различие анализируемых институтов в их каузе естественным образом предопределяет то, что в отличие от акцессорного поручительства³ обязательства должника по заложенному требованию не являются акцессорными по отношению к обеспечиваемому долгу залогодателя перед залогодержателем.

Обоснованность изложенного тезиса подтверждается тем, что у обязательств должника по заложенному требованию не удастся обнаружить ни одного из проявлений акцессорности: 1) акцессорности возникновения (обеспечительное обязательство возникает в момент возникновения обеспечиваемого); 2) акцессорности объема требования (величина обеспечительного обязательства не должна превышать размер основного требования); 3) акцессорности следования за главным требованием (перемена лица в обеспечиваемом обязательстве

¹ Сарбаш С.В. Указ. соч. С. 139.

² Наличие у поручителя воли быть ответственным за исполнение обязательств другим лицом (*Verbürgungswillen*) немецкой доктриной также рассматривается в качестве необходимого элемента поручительства (см.: Kiene S., Wigglinghaus N. in: German Civil Code: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Vol. I: Books 1–3: §§ 1–1296. Article-by-Article Commentary / Ed. by G. Dannemann, R. Schulze, J. Watson (Assistant Ed.). P. 1506).

³ Представляется, что тезис об акцессорном характере поручительства поддерживается абсолютным большинством представителей отечественной доктрины (см., к примеру: Новиков К.А. Акцессорность обеспечительных обязательств и обеспечительно-ориентированные права. С. 114; Бевзенко Р.С. Новеллы судебной практики в сфере поручительства. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 11. С. 46–59 (СПС «КонсультантПлюс»); Сарбаш С.В. Указ. соч. С. 158), в связи с чем не требует дополнительного доказывания и обсуждения.

влечет сообразную перемену лиц в обеспечительном обязательстве и наоборот); 4) акцессорности прекращения (обеспечительное обязательство прекращается с прекращением обеспечиваемого обязательства); 5) акцессорности в части возможности принудительного осуществления (осуществление обеспечительного обязательства допустимо при условии, что может быть осуществлено обеспеченное обязательство)¹.

Так, очевидно, что обязательства должника по заложенному требованию возникают независимо от того, когда появилось обеспечиваемое обязательство: должник может обязаться предать определенное исполнение в адрес своего кредитора намного ранее, чем появится основное обязательство, в обеспечение которого будет предоставляться залог прав требований.

Аналогичным образом ни о какой акцессорности объема в настоящем случае речь идти не может. Размер требований к должнику по заложенному обязательству никак не зависит от величины обеспечиваемого долга, который может как существенно превышать сумму заложенного требования, так и быть значительно меньше последнего.

В этой части важно отметить, что указание п. 3 ст. 358.6 ГК РФ о том, что залогодержатель имеет право на получение исполнения по заложенному требованию только в пределах, необходимых для покрытия требований залогодержателя, не свидетельствует о наличии проявления акцессорности объема у заложенного требования.

Указанное правило п. 3 ст. 358.6 ГК РФ (которое реализовано также и в развитых западных правовых порядках Германии и Франции²) является проявлением акцессорности объема *правомочий залогодержателя, вытекающих из права залога*, а не самого заложенного требования, которое по своему размеру не имеет обязательной корреляции с величиной обеспечиваемого долга. Приведенная норма п. 3 ст. 358.6 ГК РФ направлена на то, чтобы залогодержатель не смог для себя извлечь из предмета залога ценность, превышающую сумму основного обязательства. Данная идея является типичной для залоговых отношений, где залогодержатель рассматривается как лицо, не имеющее права присваивать себе

¹ Выделение подобных проявлений акцессорности было поддержано как в зарубежной (см., к примеру: *Medicus D. Durchblick: Die Akzessorietät im Zivilrecht // Juristische Schulung. 1971. N. 10. S. 497–504*), так и в отечественной доктрине (см., к примеру: *Бевзенко П.С. Акцессорность обеспечительных обязательств: европейская правовая традиция и российская практика // Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 4–36; № 6. С. 5–48 (СПС «КонсультантПлюс»)). Представляется убедительным, что среди обозначенных выше конститутивных проявлениями акцессорности являются «акцессорность в части осуществления» (более корректный термин, по сравнению с «осуществлением принудительного исполнения») и «акцессорность объема требования», отступление от которых будет нивелировать функциональную зависимость обеспечительного обязательства от обеспечиваемого (см.: *Новиков К.А. Акцессорность обеспечительных обязательств и обеспечительно-ориентированные права. С. 119*).*

² См. ст. 2366 ФГК, § 1282 ГГУ.

соответствующий излишек (*hyperocha, superfluum*), который причитается залогодателю (абз. 2 п. 3 ст. 334 ГК РФ).

Схожим образом следует отметить отсутствие у заложенного требования акцессорности следования: право требования залогодателя к должнику по заложенному требованию не следует за обеспечиваемым обязательством. Однако за главным обязательством будут следовать залоговые права кредитора-залогодержателя (ст. 354, 384 ГК РФ), позволяющие, среди прочего, извлекать ценность из предмета залога посредством истребования в свою пользу долга по заложенному требованию непосредственно с должника залогодателя².

Нельзя обнаружить у заложенного требования также проявлений акцессорности прекращения. Даже если обеспечиваемое обязательство будет по какой-либо причине прекращено, требования залогодателя к должнику по заложенному требованию продолжают существовать сами по себе, что имело бы место, даже если бы главного обязательства, во исполнение которого был предоставлен залог, никогда не возникало.

Схожим образом ситуация обстоит с акцессорностью в части осуществления. Заложенное требование может быть осуществлено (в том числе принудительно) даже тогда, когда обеспечиваемое обязательство утратило способность к осуществлению. Более того, при залоге обязательственных прав можно наблюдать в определенном роде обратное (зеркальное) правило акцессорности в части осуществления. Так, после того, как залогодержатель решил реализовать *ius exigendi* (право на непосредственное взыскание исполнения по заложенному обязательству с должника залогодателя), залогодатель утрачивает возможность самостоятельно потребовать сообразное исполнение по заложенному требованию³. Данная возможность у залогодателя по общему правилу восстанавливается лишь после прекращения залога обязательственных прав.

Изложенные выше отличия показательно демонстрируют существенную разницу между акцессорным поручительством и заложенным требованием залогодателя к своему должнику.

2.3. Структура обязательственных отношений

Приведенная концептуальная разница между рассматриваемыми институтами проявляется также и в следующем моменте.

-
- ¹ Аналогичные идеи реализуются в Германии и Франции (см.: *Rupp C.S. Op. cit. P. 2121*; ст. 2366 ФГК).
 - ² Следует отметить, что в России обязательность правил ст. 354, 384 ГК РФ применительно к залого была существенно смягчена правоприменителем: ВС РФ допустил согласование сторонами условия о том, что права залога будут переходить новому кредитору после оплаты, т.е. допускается ситуация, когда залогодержателем будет продавец, а кредитором – уже покупатель, что является явным отступлением от принципа акцессорности следования (см. определение ВС РФ от 1 апреля 2019 г. № 304-ЭС17-1382(8) по делу № А27-24985/2015).
 - ³ См.: *Rupp C.S. Op. cit. P. 2120–2121*; *Бевзенко Р.С., Егоров А.В.* Поправки о залоге. Новые возможности для маневра. М.: Акцион-Медиа, 2015. С. 135–136, 138.

Известно, что структурную сущность обязательств можно попробовать описать через понятия «*Schuld*» («долг») и «*Haftung*» («ответственность»)¹. Долг представляет собой определенную обязанность должника по договору, а ответственность – те негативные последствия, которые наступают при неисполнении долга².

При этом принуждение должника к чему-либо возможно осуществить только в рамках его привлечения к *ответственности* за нарушение обязательств по исполнению *долга*, которое должно было осуществляться добровольно в рамках взятых обязательств³.

Представляется, что в более абстрактном виде разницу приведенных аспектов можно описать через теорию Е.А. Крашенинникова о регулятивных и охранительных правах⁴.

Так, под понятием *долга* в рамках обязательства можно понимать лишь регулятивную стадию – «нормальное развертывание имущественных отношений», а *ответственность* возникает при непогашении долга и представляет собой применение к должнику определенных мер принуждения – у кредитора на данном этапе имеются уже охранительные субъективные права для своей защиты⁵.

Изложенные теоретические рассуждения, на наш взгляд, выявляют концептуальные различия между обязательством должника по заложенному требованию и обязательствами поручителя.

¹ См.: *Diestelkamp B.* Die Lehre von Schuld und Haftung // Wissenschaft und Kodifikation des Privatrechts im 19. Jahrhundert. Bd. VI / Hrsg. von H. Coing, W. Wilhelm. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1982. S. 23–51. Отечественная правовая наука также известны указанные понятия долга и ответственности как структурные аспекты обязательств (см., к примеру: *Гримм Д.Д.* Указ. соч. С. 305; *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. С. 234–240; *Дождев Д.В.* Указ. соч. С. 482–483).

² *Gernhuber J.* Das Schuldverhältnis: Begründung und Änderung, Pflichten und Strukturen, Drittwirkungen. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1989. S. 65.

³ *Дождев Д.В.* Указ. соч.

⁴ См.: *Крашенинников Е.А.* Гражданское право и процесс: избранные труды / отв. ред. Ю.В. Байгушева. М.: Юрайт, 2020. С. 239–241.

⁵ Примечательно, что в отечественной науке имеется понимание ответственности как опосредствованного государственным принуждением исполнения обязанности (см. подробнее: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М.: Юрид. лит., 1976. С. 85), что, по всей видимости, практически полностью связывает любое принуждение за неисполненный долг с понятием ответственности. Данная позиция является дискуссионной: многие (вероятно, большинство) представители отечественной доктрины понимают категорию «ответственность» как возложение на должника дополнительных негативных последствий (см.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1 (СПС «КонсультантПлюс»); *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 7–8; *Красавчиков О.А.* Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав: сборник ученых трудов. Свердловск, 1973. Вып. 27. С. 16; *Грибанов В.П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав / *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 108).

В частности, у должника по заложенному требованию можно обнаружить оба аспекта обязательств: и долг (*Schuld*), и ответственность (*Haftung*). У должника по заложенному требованию есть *Schuld* – обязанность передать исполнение в срок, установленный договором с залогодателем. Данную обязанность должник своими самостоятельными действиями может исполнить, что будет признано надлежащим исполнением и прекратит обязательство (ст. 408 ГК РФ).

В свою очередь, при поручительстве наблюдается, на наш взгляд, принципиально иная картина.

До момента нарушения основного обязательства (должника по обеспечиваемому требованию перед кредитором) у поручителя не имеется *Schuld* в виде обязанности уплатить долг в адрес кредитора.

Последний можно потребовать только в рамках охранительной стадии, которая возникает в случае нарушения должником по обеспечиваемому требованию своих обязанностей¹.

Таким образом, изложенный анализ однозначно ориентирует на то, что независимое заложенное право требование к должнику залогодателя существенным образом отличается от акцессорного права требования кредитора к поручителю.

2.4. Применимость норм о поручительстве к отношениям, возникшим при залоге обязательственных прав

Из вышеизложенного следует вывод о том, что к отношениям, возникшим при залоге прав требований, не имеют прямого применения нормы, регулирующие поручительство.

Напротив, в ряде случаев подобное применение основных норм о поручительстве будет противоречить существу имеющихся отношений при залоге обязательственных прав.

К примеру, традиционными для европейских правовых порядков (в том числе для российского) являются правила о том, что поручитель и должник по обеспечиваемому обязательству отвечают солидарно. Данный подход воспринят отечественным законодателем (п. 1 ст. 363 ГК РФ), что соответствует аналогичной общепринятой позиции в большинстве европейских юрисдикций².

Представляется, что обязательства у должника по заложенному требованию и у должника по обеспечиваемому требованию не являются солидарными.

Безусловно, то обстоятельство, что требования к должнику по заложенному обязательству и к должнику по обеспечиваемому обязательству возникли из разных оснований и сами по себе являются различными, принципиально не проти-

¹ Сарбаш С.В. Указ. соч. С. 137.

² См.: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / Ed. by Ch. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke and H. Beale, J. Herre, M. Storme, S. Swann, P. Varul, A. Veneziano and F. Zoll. P. 2544.